

БАХ-БАХ-БАХ

Пьеса

Действующие лица:

Витя – цирковой пес

Кеша – дворовый пес

Катя – коза

Гусятников – гусь

Руки

Ноги

Лица

Умиравший солдат (целиком)

1

Цирковой манеж. Лица зрителей. Улыбки только на детских лицах. Взрослые не улыбаются. На манеже Витя и ноги в клоунских ботинках. Это Аркашины ноги.

АРКАША (голос сверху). Умри! (Витя падает на манеж, ноги ходят вокруг лежащего Вити, рука поднимает одну Витину лапу, другую, лапы опускаются вниз, слышен Аркашин смех) Отомри! (Витя не отмирает) Витя, отомри! (Витя продолжает лежать) Отомри? (Витя не встает).

Аркашино лицо. Из глаз бьют струи слёз. Рыдание.

Ноги ходят по манежу. Витя встает и ходит за ногами, ноги не останавливаются, потом останавливаются. Лицо Аркаши, слёзы выключаются, голос Аркаши – Аркаша ругается, радуется, аплодисменты.

2

Городская площадь. Здание цирка. Зима. Афиши, прикрепленные к пузатым круглым тумбам, сообщают о вечернем представлении: «1941 г. Госцирк. Сегодня и ежедневно. Обновленная программа. Большие представления в 3-х отделениях. Лучшая в СССР группа акробатов-прыгунов Дарвест. Лучший в СССР жонглер Махлин. Лучший в СССР комик Цхомелидзе. Лучший в СССР клоун Аркаша с лучшей в СССР дрессированным псом Витей. Лучшая в СССР воздушная гимнастка Лапина. Весь вечер Чарли Чаплин. Лучший в СССР».

Гул самолетов. Уууууу. Раздаются взрывы. Бах-бах-бах. Из цирка выбегают животные – лошади, обезьяны, львы, слоны. Они разбегаются в разные стороны. Попугаи разлетаются. Медленно выползают из горящего здания, и ползут к протекающей рядом с цирком реке, морские львы. Львы уплывают по замерзающей реке.

Витя выбегает из цирка. Ноги в клоунских ботинках рядом.

3

Прихожая незнакомой квартиры. Витя. Рядом с Витей маленький дорожный чемоданчик, обклеенный газетой. Ноги Аркаши в черных сапогах (стоят так же по- чарличаплински, как на манеже). Женские ноги в тапочках. Лицо Аркаши. Слёзы на глазах. Но почему-то они не брызгают из глаз, а только блестят немного, и катятся по щекам. Витя обнюхивает Аркашу, слизывает слезу с его щеки, морщится.

АРКАША. Я вернусь, приятель. Умри! *(Витя падает на пол, лицо Аркаши, улыбка).*

Отомри!

Витя не встает.

АРКАША. Отомри!

Витя не встает. Тишина. Звук закрывающейся двери. Витя открывает глаза. Он один у двери. Встает, кидается на дверь, пытается допрыгнуть до замка.

Проходит время. Темнеет. Светлеет. Витя допрыгивает до замка, открывает дверь, убегает.

4

Витя, зажав в зубах чемоданчик, бежит по Аркашиному следу. Бежит по городу, мимо домов с заклеенными крест-на-крест окнами, мимо закрытых магазинов, оббегает противотанковые ежи, бежит вдоль пустых трамваев, застывших на путях. Забегает за поворот и видит ноги. Много ног в черных сапогах. Ноги выстроены в ряд и идут одинаково. Раз-два. Раз-два. Витя бежит мимо ног, добегают до двери, из которой выходят ноги в черных сапогах. Останавливается. Сидит у двери, обнюхивает выходящие из двери ноги. К Вите подходит тощий облезлый пёс. Садится рядом. Тоже нюхает.

ПЁС. Жрать охота. Аж нутро все сводит.

Витя не отвлекается, продолжает нюхать.

ПЁС. Куска не жди. Тут им сейчас не до того. Они отсюда тю-тю. Шить *(присвистывает)* в вагон и тю-тю. На фронт.

ВИТЯ. На фронт? А это далеко?

ПЁС. Да пёс его знает. Говорят тут все: на фронт, на фронт. А сами шить в вагон и тю-тю.

А ты значит не голодный. Своего что ли ищешь?

ВИТЯ. Ты откуда знаешь?

ПЁС. Сколько тут нас таких, брошенных-оставленных.

ВИТЯ. А почему вас... то есть нас много?

ПЁС. Война, братец, война...

Пауза. Витя пытается осмыслить.

ПЁС. Знаем-знаем. Друзья. С детства. Одну песню поете. Ага, я тоже со своим с детства...

Из-под лавки меня метлой вымел... А холодно было. Пожалел. В карман посадил и унес.

Во как.

ВИТЯ. Твой тоже тю-тю? На фронт?

ПЁС. Видал, ссс-ва, ссс-ва (*смотрят на ноги в черных сапогах*). А мой хромый. Только ссс, без ваа. Одна у него завелась. Шу-ра. Му-ра. Он ей всё веники таскал, вечерами пропадал. А потом она к нам с вещами.

ВИТЯ. Ну? Не понравился ты ей?

ПЁС. Э? Я всем нравлюсь. Я хороший. У нее это, чихала она. С собакой ей нельзя в общем. Анлергия у ней. Я в прихожку спать ушел. Извини-подвинься. Вооот, а она не успокаивается. Чихает и чихает. Чихает и чихает. Чихает и чихает. Чи... вот, и тогда совсем уж, здесь вот теперь.

ВИТЯ. Делааа.

ПЁС. Вот тебе и тю-тю. А ты тут нос по ветру – разыскиваешь его.

ВИТЯ. А я и не разыскиваю.

ПЁС. А что же ты делаешь?

ВИТЯ. Разыскиваю.

ПЁС. Так разыскиваешь или НЕ разыскиваешь?

ВИТЯ. Нужно больно. Он меня на какой-то дурацкий фронт променял.

ПЁС. Вот и молодец, ну его, этот фронт, забыли. Всё. Всё.

Сидят.

ВИТЯ. Эта... а что там хоть на фронте делают?

ПЁС. А пес их... Вон видишь, вон, в валенках. Топ топ. Хр. Хр. Скрипят.

Смотрят в сторонке, ноги в валенках, ног в валенках тоже много, как и ног в черных сапогах, но они в ряд не идут, они на месте перетаптываются. Топ топ. Хр. Хр.

ВИТЯ. Ага.

ПЁС. Эти, значит, шить и тю-тю. А эти всё на одном месте топчутся. И это как-то связано.

ВИТЯ. Как?

ПЁС. Когда эти не шли на фронт, эти не топтались.

Витя бежит к валенкам. Пёс за ним. Витя проталкивается, пытается понять. Но его отталкивают, не обращают на него внимания.

ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА. Шшавка. Ф. Фу. Ф. Отсюда.

Витя достает из чемоданчика шляпу, достает шарманку, заводит шарманку, звучит «Рио-рита». Валенки расступаются, заключив Витю в кольцо. Витя пронесит шляпу по кругу, руки кидают в неё мокрые носовые платки, черно-белые фотографии молодых

солдатиков. Витя накрывает шляпу лапой, водит сверху, затем достает из шляпы желтоватые бумажные квадратики. Руки разбирают квадратики.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Извещение. Ваш сын сержант ...Антоша Степанович в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, был убит.

ДРУГОЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Извещение. Ваш муж Петя Никанорович проявил геройство и мужество, пропал без вести.

Слышны плачущие женские голоса. Витя кладет шарманку и шляпку в чемодан, они с псом убегают. Садятся в сторонке.

ПЁС. Слышал, как завывают.

ВИТЯ. Это из-за какого-то геройствоимужества? И что это?

ПЁС. Сам же слышал, то, от чего умирают и пропадают без вести, тю-тю.

ВИТЯ. Умри-отомри? И Аркаша значит может тю-тю?

ПЁС. Ага. Все тю-тю. Но тебе-то что, ты ж его не разыскиваешь же, да? Или разыскиваешь?

ВИТЯ. Нет. Не разыскиваю. А что это у них мокрое из глаз? Слезы должны во как (*достает из чемоданчика устройство, показывает, как слезы должны брызгать*), а тут мокрое. И у Аркаши тогда было мокрое...

ПЕС. А пёс их знает.

ВИТЯ. Что ты всё заладил? Пёс знает, пёс знает. А сам ничего не знаешь.

ПЁС. Возражу. Я про то, что мне надо знаю. Знаю, что друзей вот своих оставлять не хорошо. Ни ради анлергии, ни ради какого фронта.

ВИТЯ. Это верно. Это я и сам так думаю.

ПЁС. И что теперь делать собираешься?

ВИТЯ. Не знаю. Пойду, куда лапы выведут. Новый цирк искать пойду. В другой город пойду. Думали с Аркашей. А теперь вот. Даа. Было у меня всё, и работа любимая. Я, значит, в цирке служил.

ПЁС. Это я понял.

ВИТЯ. Был у меня тёплый дом. Квартира однокомнатная. Зато отдельная.

ПЁС. Не, мы в коммуналке.

ВИТЯ. И был у меня лучший и единственный...

ПЁС. Тю-тю. Слушай, а возьми меня с собой? Вместе веселее. Я тебе другом буду, а? Я хороший.

Витя смотрит на пса, задумывается.

ВИТЯ. Нет, не возьму.

ПЁС. Почему?

ВИТЯ. Не хочу.

ПЁС. Но, почему? Я тебе не нравлюсь?

ВИТЯ. Нравишься.

ПЕС. Тогда почему? Ну почему? Ты думаешь, я в цирке себе дела не найду? Это не думай. Я работающий. Мой-то дворником был. Так что я (*Витя не дослушав, уходит*)... э, э, погоди!

Витя уходит. Идет мимо домов, мимо окон, мимо мешков, сложенных стеной. Город заканчивается, он идет, все идет, уже по полю идет, уже по лесу идет. Слышит чьё-то частое дыхание где-то сзади. Хххх-хххх-хххх. Витя останавливается.

ВИТЯ. Кто здесь?

Дыхание не слышно – Витя идёт дальше. Хххх-хххх-хххх.

ВИТЯ. А ну выходи!

Из-за дерева выходит Пёс.

ВИТЯ. Я же сказал, что тебя с собой не возьму.

ПЁС. А я и не с тобой иду. Я сам по себе иду.

ВИТЯ. Ага, конечно. И куда же ты направляешься?

ПЁС. В другой город иду, в цирк иду.

ВИТЯ. Ну ка повтори! Это я в другой город, в цирк.

ПЁС. Вот и замечательно. Вместе пойдём. Вместе веселее. Мы ведь друзья, а? Меня Кешей звать.

ВИТЯ. Нет, мы не пойдём вместе. Ещё чего...

ПЁС. Ну, почему?

Витя задумывается.

ВИТЯ. Имя у тебя дурацкое, птичье. У нас в цирке так каждого второго попугая зовут.

Витя идёт дальше, Кеша остается, он обиделся. Витя идет по лесу, снег под ним скрипит. Вдруг земля расступается, Витя летит вниз и оказывается в яме.

ВИТЯ. Приехали (*Витя трогает лапу – лапа болит, Витя поскуливает, соображает, что делать, долго сидит, потом поднимается, вытягивает голову вверх, понимает, что выбраться самому не получится*). Ээ, как там тебя?

КЕША. Ке-ша.

ВИТЯ. О! Давай, помоги мне!

КЕША. Правда? А мы дружить тогда будем?

ВИТЯ. Я что тебе из ямы должен в любви признаться? Вытаскивай меня. Палку сюда спусти.

Кеша исчезает, появляется с палкой.

КЕША. Такая пойдет?

ВИТЯ. Спускай ее сюда.

КЕША. Нет, ты сначала скажи, друзья мы с тобой или нет?

ВИТЯ. Ну.

КЕША. Воот! Вытаскивать?

ВИТЯ. Давай уже, давай.

Кеша спускает палку. Останавливается.

КЕША. Постой. А какое у меня имя, ты сказал?

ВИТЯ. Какое?

КЕША. Птичье, ты сказал.

ВИТЯ. Я? Да никакое и не птичье совсем, нормальное собачье имя.

КЕША. А какое? Назови!

ВИТЯ. Кеша, что ли? Кеша.

КЕША. Я не расслышал.

ВИТЯ (*кричит*). Кеша!

КЕША. А тебя как зовут?

ВИТЯ. Витя.

КЕША. Витя. А Витя и Кеша кто?

ВИТЯ. Кто?

КЕША. Дру... ну?

Витя не отвечает.

КЕША. Ладно, я пошел, пока.

ВИТЯ. Стой.

КЕША. Витя и Кеша - дру...

ВИТЯ. Витя и Кеша - друзья.

Спускает палку, Витя хватается за палку. Кеша тащит.

КЕША. Ну вот, у меня теперь есть друг, мы с ним пойдем в цирк, мы будем теперь вместе всегда, и никогда теперь не расстанемся.

Витя выбирается на землю и неожиданно для Кеша бежит прочь.

КЕША. Куда же ты, друг? Друг, стой! Друг! Друг!

Витя выбегает на опушку леса, он еле живой, лапа болит. Сил идти дальше совсем не осталось. Витя уже почти остановился, и вдруг видит огромное темное пятно. А на краю пятна дом. А рядом с домом – сарай. Витя собирает последние силы и идет к дому. Где-то далеко раздаются взрывы.

5

Утро. Сарай. В сарае холодно. В потолке щель, через которую, если встать прямо под ней, то снег на тебя падать будет. Катя и Гусятников лежат в углу, зарылись в старые тряпки. Катя открывает глаза, осматривается и замечает незнакомца. Он лежит прямо посреди сарая, под щелью, засыпанный снегом. На незнакомца падает свет. Кате кажется, что незнакомец весь сияет.

Катя аккуратно пихает Гусятникова в бок. Тот не просыпается. Она снимает с себя его крыло, он поджимает крыло, продолжает спать. Катя по-пластунски ползет к спящему незнакомцу. Гусятников начинает замерзать без Кати, расправляет крыло, подтаскивает Катю к себе. Обнимает.

КАТЯ (громким шепотом, пытаясь вырваться из крепких объятий). Гусятников. Гусятников!

Гусятников не реагирует. Ему снится какой-то очень приятный сон.

КАТЯ. Подъем, Гусятников! (Катя шепчет что-то на ухо Гусятникову).

ГУСЯТНИКОВ (подскакивая). Из кого суп? Меня в суп? Гусятникова? За что? Я не вкусный.

КАТЯ. Да тссс, ты. Смотри, изменилось.

Гусятников смотрит на незнакомцы. В это время солнце, видимо, скрылось, и Гусятникову незнакомец не показался таким уж сияющим. Катя указывает ему на незнакомца. Гусятников поднимает голову, внимательно всматривается в спящего. Катя

по-пластунски, а Гусятников на полусогнутых двигаются к незнакомцу. Подползают совсем близко. Незнакомец открывает глаза и видит склонившиеся над собой две головы: одну серую с кривыми короткими рогами и вытянутыми вдоль глаз зрачками, другую в форме кирпичика, с характерным прищуром и приподнятой бровью.

НЕЗНАКОМЕЦ. Хадзимэмаситэ, ёросику о-нэгаи симас.

Гусятников молчит и хлопает глазами. Они с Катей переглядываются.

ГУСЯТНИКОВ (Кате). Он калмык.

КАТЯ. Почему калмык?

ГУСЯТНИКОВ (незнакомцу). Ты калмык?

НЕЗНАКОМЕЦ. Я артист Госцирка.

ГУСЯТНИКОВ (Кате). Он калмык.

Незнакомец, вылезает из сугроба, держа в лапах маленький дорожный чемоданчик, отряхивается. Пытается двигаться, проверяет, как лапа. Лапа болит – незнакомец прихрамывает. Замечает, что Катя и Гусятников смотрят на него внимательно. Старается прихрамывать меньше. Он вынимает из чемоданчика шарманку, заводит, ставит, звучит «Рио-Рита». Достает мячики, приподнимается на здоровой лапе, жонглирует. Гусятников и Катя смотрят с удивлением, хлопают глазами. Незнакомец подбрасывает мячи выше, они даже вылетают через щель в потолке на улицу. Катя и Гусятников смотрят вверх. Ждут, когда мячики упадут, но они не падают. Гусятников и Катя с удивлением смотрят на незнакомца. Вдруг один из мячиков появляется изо рта незнакомца. Другой мячик незнакомец находит за ухом у Кати. Катя смеется, Гусятников смотрит с недоверием. Тогда незнакомец протягивает лапу к Гусятникову и третий мячик вынимает из-под крыла Гусятникова. Закончив, незнакомец фыркает, садится.

КАТЯ. Чудо-чудо-чудо.

ГУСЯТНИКОВ (подойдя к незнакомцу ближе и протягивая крыло). Ээ, Гусятников.

НЕЗНАКОМЕЦ (деловито жмет крыло). Витя.

Гусятников садится рядом с Витей. Катя, не сводя глаз с Вити, тоже присаживается рядом. Витя трогает больную лапку.

ВИТЯ. Дальше идти нельзя. Не прогоните? Рану залижу и дальше тогда.

КАТЯ. Рана?

ГУСЯТНИКОВ. Кто ранен? Немедленно. Так, сюда. Сюда-сюда его! Немедленно!

Катя и Гусятников хватают Витю, волокут его в уголок, укладывают.

ВИТЯ. Что, вы? Зачем это всё? Вот этого не надо!

КАТЯ. Лежать и не говорить.

ГУСЯТНИКОВ (*роется в куче*). Где же? Где? Вот! Нашел! (*Бежит к Вите, радостный*).

ВИТЯ. Что это?

ГУСЯТНИКОВ. Что это? Это ло-пух называется. Сам сушил.

Гусятников прикладывает лопух к Витиной больной лапе. Витя вырывается. Катя держит его.

ВИТЯ. Не надо лопух. Тут зеленкой надо. Аркаша всегда мне зеленкой мазал. Прекратите немедленно!

Катя заматывает рану, накрытую лопухом, веревкой. Гусятников укутывает Витю в теплую тряпку. Витя лежит, пошевелиться не может.

ГУСЯТНИКОВ. Я ещё в чемодан положил, пригодится.

ВИТЯ. Что? У меня там реквизит. А этот ваш лопух воняет. Уберите!

ГУСЯТНИКОВ. Конечно, воняет. Я его... не холодный же прикладывать.

Витя закатывает глаза. Лежит молча. Катя и Гусятников сидят рядышком.

КАТЯ. Вы такой замечательный. И ваши эти шарики. А куда вы направляетесь, если не секрет?

ВИТЯ. Иду искать цирк. Артисту, как вы понимаете, без цирка нельзя. Форму можно потерять (*Катя утвердительно кивает головой, смотрит на Витю с восторгом, Витя осматривается*). А вы, значит, здесь...?

ГУСЯТНИКОВ. Тут у нас банки, а вот тут у нас склянки, а здесь тряпьё всякое, ло-пу-хи опять же. Не богато, но нам с Катюшей, когда мы вместе, ничего и не нужно, и не страшно ничего.

Раздается громкий звук. Бах-бах-бах. Гусятников (впереди всех), Катя и Витя бегут в угол, прижимаются друг к другу. Шум прекращается.

КАТЯ. Скажите, Витя, а что там за шум? Что там на станции все время гремит? Бах-бах-бах?

ВИТЯ. Война, братцы, война.

ГУСЯТНИКОВ. Во-йна.

КАТЯ. Вой-на. То есть вой-на?

ГУСЯТНИКОВ (*Кате*). Вот видишь, и никакая не ксалила, и не берра, поняла? А вой-на.

ГУСЯТНИКОВ. На вой.

КАТЯ. А что такое вой-на?

ВИТЯ. Война – это война. Понятно?

КАТЯ. Понятно. Вой-на – это на-вой. А что такое всё-таки война?

ГУСЯТНИКОВ. Когда стало шуметь, стало холодно.

КАТЯ. Когда бах-бах-бах, и похлёбка не каждый день.

ВИТЯ (*тихонько*). Когда...

КАТЯ. Стало греметь и все изменилось (*осматривается вокруг*). И я (*смотрит на свое отражение в старом ведре*). Когда-то я была молодой и красивой козочкой. И мечтала о настоящей большой любви.

ГУСЯТНИКОВ (*укрывает Катю своим облезлым тусклым крылом*). А-а теперь что же?

КАТЯ. А теперь, где теперь ее найдешь, большую любовь для маленькой козочки?

Катя смотрит на Витю. Гусятников вздыхает.

Открывается дверь. С улицы задувает. Показываются красные от мороза, худые, даже костлявые руки. Руки держат миску с чем-то полупрозрачным, с чем-то белёсым. Гусятников и Катя бегут к двери, улыбаются кому-то. Витя пятится назад, прячется. Руки ставят миску на пол у входа. Одна рука протягивается и медленно гладит Катину голову, затем указательный и средний пальцы одной из рук почесывают шею Гусятникова. Витя вылезает из-под тряпки, прихрамывая, идет навстречу рукам. Руки осторожно протягиваются в Витину сторону, чешут его за ухом. Витя поскуливает от удовольствия. Руки исчезают, дверь закрывается.

Гусятников, Катя и Витя стоят у миски, смотрят в неё.

ВИТЯ. Ин-те-рес-но.

В миске надувается пузырь, лопается. Все трое морщатся. Гусятников и Катя идут в центр сарая, становятся под щель, через которую падают снежинки. Катя высовывает навстречу снежинке язык, ловит и глотает её, зажмуривая от удовольствия глаза. Ей представляется, как будто с неба падает не снежинка, а свежайший дубовый листик.

Гусятников, глядя на Катю, морщится, фыркает, листья – это, конечно, не еда. Вот червяки, это да. Он открывает клюв пошире и видит, как с неба медленно спускается жирный дождевой червяк, медленно-медленно, как это умеет делать только снег. Червяк опускается на язык Гусятникова и преступно тает, превращаясь в холодную лужицу. Витя, посмотрев недолго на Гусятникова и Катю, встает рядом с ними и, широко

раскрыв рот, ловит по очереди все блюда, представленные в меню одного из советских цирков за июнь 1941 года.

ГУСЯТНИКОВ (*Вите*). Ну, как?

ВИТЯ. На вкус, как снег. И лапша, и говядина отварная, и гречневая каша со сливочным маслом, и кулебяки с рисом и визигой (*глотает слюну*), и даже клюквенный кисель. Все, что по пятницам в нашей столовке, в цирке, выдавали, всё отдает снегом.

КАТЯ (*пережевывает свежайший дубовый листик*). И правда снег.

ГУСЯТНИКОВ (*глотаю жирного дождевого червя*). Снег. А ведь есть же где-нибудь на земле место, где с неба падают жирные дождевые червяки. Или листья всякие. Или... что ты там говорил?

ВИТЯ. Ку-ле-бя-ки. С ви-зи-гой. Ага.

ГУСЯТНИКОВ. Кому что нравится, тому то и падает. Прямо в рот. А?

КАТЯ. Не выдумывай.

ВИТЯ. Нет, такого нет...

ГУСЯТНИКОВ. А вот и есть!

КАТЯ. Ну, и как оно выглядит?

ГУСЯТНИКОВ (*осматривается, замечает обрывок старого журнала с цветной картинкой*). Там, это, домик с соломенной шляпкой. И дети... Черные дети.

КАТЯ. Чёрные дети? А разве такие бывают?

ВИТЯ. Ещё как бывают. Негритята называются.

ГУСЯТНИКОВ. Такие толстые и веселые черные дети. Они смеются, они танцуют вокруг (*смотрит на картинку, рассматривает пальму*) березы что ли, только это не такая береза, ну, не как наша, а пожелтее, и как будто перьями вся покрыта, и у нее сверху огромные листья.

ВИТЯ. Как фикусы?

ГУСЯТНИКОВ. Чего-чего?

ВИТЯ. Как лопухи?

ГУСЯТНИКОВ. Нет, ещё больше.

КАТЯ. Странная береза.

ГУСЯТНИКОВ. Замечательная береза. Вот бы туда. Далеко это, наверно.

КАТЯ. С Лысой горки не видать.

ГУСЯТНИКОВ. А может пойти, а? Пойти-найти. Через поле пойдем. Через лес пойдем. А в лесу волки. А за лесом там болото. Ночка бабки Нюры рассказывал, помнишь? Пропадем. Да, и куда мне? Старый, больной гусь. Сиди Гусятников в своем сарае, не вылазь.

ВИТЯ. Но надо что-то делать. Скажите, а где у вас тут люди? Есть у вас тут зрители?

КАТЯ. Люди есть только на станции.

ВИТЯ. На станции? А что они делают на станции?

ГУСЯТНИКОВ. Они едут мимо.

КАТЯ. А у нас останавливаются. Сначала чух-чух.

ГУСЯТНИКОВ. Гудок. Уууууу (*орет, имитирует звук гудка, из ушей у него валит дым*).

КАТЯ. Чччччччччччч (*имитирует звук останавливающегося поезда*). Потом тишина. Не долго. А потом снова чух-чух-чух.

ВИТЯ (*трогает больную лапку*). Ой. А это далеко?

КАТЯ. Это совсем близко.

ВИТЯ. Гениально! Это спасение! Надо немедленно отправиться на станцию, заработать и поесть, как следует.

КАТЯ. Ура! Ура! Ура! Теперь мы не пропадем! У нас теперь есть друг!

Гусятников и Катя прыгают от радости.

КАТЯ и ГУСЯТНИКОВ. Мы не пропадем! Витя – наш друг! Витя – наш друг! Друг! Друг! Друг!

Витя с удивлением на них смотрит.

ВИТЯ. Ну, вот что, мне пора.

Гусятников и Катя останавливаются, смотрят на Витю вопросительно.

ВИТЯ. Я пойду на станцию, Я заработаю, и Я поем, как следует.

КАТЯ. А как же мы?

ГУСЯТНИКОВ. А как же наша дружба?

ВИТЯ. Какая дружба? А есть она дружба? Покажи мне ее! Давай мне ее сюда.

ГУСЯТНИКОВ. Вот. Я и Катя. Мы друзья.

ВИТЯ. Уверен?

ГУСЯТНИКОВ. Что? Да как ты... Да ка... Катись отсюда. Проваливай из нашего сарая!

ВИТЯ. Хочу и не провалю. А что вы сделаете?

Витя срывает с лапки лопух, уходит. Катя и Гусятников провожают его взглядом.

КАТЯ. Пусть только попробует вернуться! Мы же его ведь не пустим?

ГУСЯТНИКОВ. А правда, что мы сделаем? Что мы можем? Я старый больной гусь. А он... сама видела, что он с шариками вытворял (*ищет шарик у себя под крылом*).

6

Поезд. На фоне вагона лица солдат. Много лиц. Много-много. Обветренные губы. Папироса. Улыбка. Голубые глаза. Выцветшие брови. Смеющийся рот. Ряд зубов – одного нет. Витя нацепил свою шляпу, и, стоя на здоровой лапе, жонглирует. Из шарманки звучит «Рио-Рита». Витя снимает шляпу. Идет с ней. Рука кладет в шляпку патрон. Витя достает патрон, обнюхивает, рассматривает, кладет обратно. Водит над шляпой лапами, достает оттуда цветок, рука забирает цветок. Другие руки кладут в шляпу гранаты, штыки от винтовок. Витя рассматривает предметы, кладет их в шляпу, достает из шляпы цветы. Поезд едет. Руки с цветами уезжают. Витя бежит за поездом, руки бросают в Витину шляпу еду.

7

Сарай. Вечер. Сквозь щель в потолке видны огромные звёзды. Посреди сарая разложена газетка. На газетке остатки еды, пустые консервные банки, хлеб. Рядом сидит Витя, он вылизывает банку, причмокивает.

Гусятников и Катя сидят в уголке. Гусятников отвернулся, ему противно. Катя смотрит на Витю голодным взглядом. Витя замечает взгляд Кати.

ВИТЯ (*Кате*). Тут ещё осталось. Я наелся. Если желаете...

Катя подходит, собирается взять кусок хлеба.

ВИТЯ. Маленькая просьба. На меня снег падает. Не могли бы вы...

КАТЯ. Да-да, конечно...

Она берет старые тряпки, разбросанные по сараю, подходит к двери, выглядывает, слышны взрывы, Катя резко закрывает дверь.

КАТЯ. Ой!

Оборачивается, смотрит на еду, опять открывает дверь, выглядывает, очень медленно, дрожа, выходит за дверь... Гусятников косится из угла на Витю.

ВИТЯ. Гусятников, ты говорил, что дружба существует, да?

ГУСЯТНИКОВ. Да, говорил. Говорил. И это так оно и есть!

ВИТЯ. А хочешь, я докажу тебе, Гусятников, что нет никакой дружбы?

Катя, закрыв щель, бегом возвращается в сарай.

ВИТЯ. Смотри, Гусятников! *(Кате)* Не желаете ли угоститься теперь?

Катя подбегает к еде. Берет кусочек хлеба, собирается положить его в рот.

ВИТЯ. А вы не думаете, что ваш друг, тот, что в уголке пристроился, что он так же голоден, как и вы?

Катя кладет кусочек хлеба на место. Смотрит на Гусятникова. Потом на кусочек хлеба.

КАТЯ. Так может быть мы вместе, мы напополам? Да, Гусятников?

ВИТЯ. Э, не, так дело не пойдет. Он на меня катись-проваливай. Мысли на меня злые думает. А я ему хлеб свой отдавать должен? Нет, хотите, сами угощайтесь. Тут я не возражаю.

Катя смотрит на Гусятникова, на хлеб, на Гусятникова, на хлеб.

КАТЯ. Я только кусочек.

Катя съедает кусочек хлеба. Потом другой, третий, вылизывает банку. Гусятников закрывает глаза, чтобы не смотреть на это. Витя подзывает Катю к себе, что-то негромко ей рассказывает. Она смеется. Долго он ей что-то такое шепчет, очень уж смешное. Слышны обрывки фраз.

ВИТЯ. Это называется фокус...

КАТЯ. Вы на станции фокусы показывали?

ВИТЯ. Давай на ты? Никогда не любил...

КАТЯ. Сколько занимательных фокусов ты вы знаешь знаете...

Ха-ха-ха

ВИТЯ. Занимательных... в сущности, простой парень...

КАТЯ. Сама скромность...

ВИТЯ. Клоун должен белить свое лицо, чтобы его могущественные противники не заметили, как он бледнеет...

Ах-ах-ах

Гусятников закатывает глаза.

ВИТЯ. Вы поёте? Спойте.

КАТЯ. Спеть? Пластинки по воскресеньям. Сельская молодёжь.

Звучит граммофон. Катя поёт песню Петра Лещенко «Моя Марусечка». Витя засыпает.

Катя подходит к обиженному Гусятникову, расталкивает его, дает ему поесть.

8

Утро. Витя просыпается. Ему холодно. Он весь дрожит. Видит Катю и Гусятникова. Они лежат, обнявшись. Витя смотрит на них. Встает, прохаживается по комнате, наступает на ногу – вроде не болит. Задумывается. Ещё раз смотрит на Катю и Гусятникова. Берет чемоданчик и уходит.

9

Вечер. Дорога. С одной стороны от дороги поле, с другой – лес. Витя с чемоданчиком идет по дороге. Хххх-ххх-ххх. Останавливается. Прислушивается.

ВИТЯ. Кто здесь?

Не отвечают. Идёт дальше. Хххх-ххх-ххх.

ВИТЯ. А ну выходи!

Из леса выходит Кеша.

КЕША. А я думаю, ты – не ты. Сначала за фрица тебя принял.

ВИТЯ. За кого?

КЕША (*смеется*). Ну, здорово! Ты чего тогда утёк-то? А может и хорошо, что я с тобой не пошел. Я теперь, знаешь, я кое-что теперь понимаю.

ВИТЯ. И про фронт?

КЕША. А как же?

ВИТЯ. И про геройствомужество?

КЕША. И про геройство и про мужество.

ВИТЯ. Ну и что это?

КЕША. Так в двух словах не расскажешь. Хочешь сам увидеть?

ВИТЯ. Хочу. (*Пауза*) Только мне в цирк надо.

КЕША. Так хочешь про геройство и мужество, или в цирк? (*Витя не отвечает*) Ну, как хочешь. У меня и у самого дела, я тут, думаешь, просто так? Не, брат, у меня тут пункт наблюдательный. Ну, бывай!

Кеша идет в сторону леса.

ВИТЯ. Погоди! Я с тобой.

Они заходят в лес, идут по тропинке.

КЕША. Я, это, спросить хотел, вот ты тогда сказал, у каждого второго попугая имя как у меня, а у каждого первого какое? Мучает меня этот вопрос. Понимаешь, спать стал плохо, чешусь.

Выходят на полянку. На полянке костер горит. Уже темно. Лица солдат освещаются светом от костра. Витя и Кеша садятся к костру. Тихо. Никто не разговаривает.

ВИТЯ. Что это они?

КЕША. А, это? Завтра на задание. На очень опасное задание, понимаешь? А тут ещё почта запаздывает. Ведь для солдата что главное? Письма из дома вовремя получать. А тут, брат, вот какая штука. На задание.

Витя выходит в круг, достает из чемоданчика шляпу, из темноты появляются руки, руки опускают в Витину шляпу слезинки. Витя достает несколько слезинок из шляпы, трогает их, даже на вкус пробует, морщится, кладет обратно. Подбрасывает шляпу вверх, и из нее высыплются треугольники писем. Руки выхватывают письма и забирают их с собой в темноту.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. «Дорогой папа! Мы пишем тебе не из нашего родного Лебяжьего, а из Ивановской области. Здесь я и Коля вместе находимся в детском доме. Ты о нас, папочка, не беспокойся и не волнуйся. Нам тут все дают, кормят, одевают, тут река совсем близко и местность очень красивая. Я учусь в пятом классе и получаю хорошие отметки. Мы тебе уже писали, папочка, о нашем горе: немец бросал на наше Лебяжье много, много бомб и убил нашу мамочку и братика Лёню. Передай от меня и Коли, от ребят нашего детского дома, у которых Гитлер – зверь также убил мам и пап, привет своим боевым товарищам. Пусть они все дерутся с фашистами, как герои, не дают им пощады. Твоя дочка Люся.

Здравствуй, папа. Мы живем на втором этаже. У меня пропали носки. Я съел сухари и ириски. Отошли мне ответ. Мне скучно. Твой сын Коля». Посмотреть бы на них. Раз хоть. Всё бы отдал.

Сидят молча.

ВТОРОЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Пора. Выбирать будем. Кто завтра пойдёт. Сынки, может сам кто вызовется?

Тишина. Долгая пауза.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Я пойду.

ВИТЯ. А что? Что там на этом опасном задании?

КЕША. А пес его знает. Я ведь здесь недавно. Еще не про все знаю. Знаю только, что оттуда не возвращаются.

ВИТЯ. Как же, как же это он? Сам?

КЕША. Это и есть, брат, геройство и мужество. Понимаешь?

Лица солдат. Лицо одного солдата пропадает в темноте. Витя достает из чемоданчика брызгалки, выпускает струи слёз.

10

Станция. Витя и Кеша идут по платформе.

КЕША. Вот, Витя, ты сейчас в поезд сядешь, и езжай до самой конечной станции. На этой станции большой город. Мои говорят, там все есть. И цирк там тоже должен быть.

Вдалеке показывается морда поезда с обледеневшими усами.

КЕША. Ну, прощай. Другом не называю, ещё сбежишь.

ВИТЯ. Прощай. Спасибо тебе.

КЕША. Да что там. Пустяки.

Витя уходит.

ВИТЯ (*возвращается*). Послушай, я тут ночью все думал, ну, про задание про это. Ну, про опасное.

КЕША. Ну? И чего надумал?

ВИТЯ. Не пойму я что-то. Что это за задание такое? Он к детям хотел, а сам на задание.

КЕША. И?

ВИТЯ. Да нет, я так чего-то...

КЕША. Э, брат. Не отпускает? Так ты, знаешь, найди его, Аркашу-то своего, да сам у него спроси, чего он от тебя ушел. Измучился ведь весь. Чего ты? Нюх позволяет. Поезд на фронт вечером идет.

Поезд с надписью «Большой город» подъезжает к платформе. Останавливается.

ВИТЯ. Мне пора.

Витя забирается в вагон. Кеша уходит.

11

Та же платформа. Вечер. На единственной скамейке сидит Витя с чемоданчиком. Платформу снегом засыпало. И сейчас снег идет. Фонарик горит. На платформе

появляются Гусятников (шею шарфом замотал) и Катя. Идут к скамейке. Садятся рядом с Витей. Катя поглядывает на Витю. Гусятников – ни-ни.

КАТЯ (Вите). Когда поезд, не подскажете?

Гусятников дергает Катю за лапу.

КАТЯ (Гусятникову. Шепотом). Я спросить только.

ВИТЯ. Вечером.

Молчат.

КАТЯ. А куда поезд идет, не подскажете?

ВИТЯ. На фронт.

Молчат.

ВИТЯ. Метет.

КАТЯ. А?

ВИТЯ. Снег, говорю. Дома надо сидеть в такую погоду. Чего шатаетесь?

КАТЯ. Руки. Руки... не было утром, днем не было, ждали-ждали. В дом зашли, а там...

ГУСЯТНИКОВ (злится). Все рассказала? (Затягивает шарф на шею, причитает)

бедный, бедный, старый, больной гусь. Всё болит, всё...

ВИТЯ. У нас так у одного слона было. Тоже все болело. И по ночам он ещё задыхался.

ГУСЯТНИКОВ. Я не вам это говорю.

Долго молчат.

ГУСЯТНИКОВ. И?

ВИТЯ. Что?

ГУСЯТНИКОВ. Что со слонем-то с этим?

ВИТЯ. С каким слонем? А, с этим. Ну, что, по врачам бегал. Всех специалистов обошел.

Все говорили, что у слона здоровье как у быка. А он задыхался. Никому спать не давал.

ГУСЯТНИКОВ. И что же? Прошло?

ВИТЯ. Сдох.

ГУСЯТНИКОВ (кипятится). Ах ты...

ВИТЯ. Сам ты...

ГУСЯТНИКОВ. Задавала. Пустышка.

ВИТЯ. Хрипун недобитый.

ГУСЯТНИКОВ. Шавка с шариками.

ВИТЯ. Нытика кусок.

ГУСЯТНИКОВ (*думает, что сказать, раздувается*). Ты... ты... ты. А у тебя друзей нет!

Витя не отвечает. Долгое молчание.

ВИТЯ. Он меня из корзинки достал, да... и к лицу поднес. Вот так. Близко очень. Я испугался. Аркашино лицо было белым, как сахарная косточка, глаза были обведены черным, на голове у него был вместо волос мохнатый парик. Я задрожал, а Аркаша посмотрел на меня, ласково так, и сказал: «Ну, что, приятель?». Он сказал «приятель». Он сказал, а я его в нос лизнул. Не знаю, чего это я. Лизнул, да. На носу у Аркаши появилось пятно, а я почувствовал вкус мела. Я испугался, я нарушил белое. Аркаша посмотрел на меня внимательно, нацепил на нос маленький шарик и... рассмеялся. Он смеялся, а мой хвост начал вилять. Он вилял так быстро, что мог отвалиться.

Катя и Гусятников оглядываются назад, чтобы проверить, на месте ли Витин хвост.

КАТЯ. Я поняла, этот Аркаша твой друг, да?

Витя не отвечает.

КАТЯ. А сейчас он где?

ВИТЯ. Ушел... на фронт.

КАТЯ. А почему он тебя с собой не взял? На фронт на этот?

ВИТЯ. Потому что он плохой человек.

КАТЯ. Погодите, но ведь поезд тоже идет на фронт, значит, ты едешь искать плохого человека?

Подходит поезд с надписью «На фронт». Витя встает, идет к поезду. Катя и Гусятников переглядываются. Идут за ним.

ГУСЯТНИКОВ. Мы идем с тобой!

КАТЯ. Мы идем искать плохого человека!

Забираются в поезд, поезд уезжает.

12

Утро. Поле. Бегущие ноги. Крик. Дыхание вокруг. Витя с чемоданчиком в зубах, Катя и Гусятников тоже бегут среди ног. Также орут. Также дышат. Дым, бах-бах-бах.

ВИТЯ. Аркашу не видели?

ГУСЯТНИКОВ. Мы ищем Аркашу.

КАТЯ. Мы ищем плохого человека.

ГУСЯТНИКОВ. Это и есть война?

КАТЯ. Больше похоже на берру.

ГУСЯТНИКОВ. Нас не замечают. Давайте тоже делать бах-бах-бах?

КАТЯ. А как? У нас нет таких трубочек.

Гусятников смотрит на стреляющих солдат, пытается подражать звуку стрельбы, плюётся. Катя и Витя повторяют за ним. Они бегут и плюются.

ГОЛОС. Смотрите, смотрите. Звери. Маленькие звери.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Да уж, маленькие звери на большой войне. Что они делают?

КАТЯ. А куда мы бежим?

ВИТЯ. Туда же, куда и все.

ГУСЯТНИКОВ. А куда все?

ВИТЯ. Кажется, туда.

КАТЯ. А что там?

ГУСЯТНИКОВ. Там бах-бах-бах.

КАТЯ. А зачем бежать туда, где бах-бах-бах?

ВИТЯ. Не знаю.

Бегут-бегут.

КАТЯ. Смотрите.

Видят, как ноги подкашиваются и человек падает. Он медленно опускается на землю. Его видно целиком. Видно не отдельно: лицо, или руки, или ноги. Его всего видно. Всего целиком. Он умирает. Катя, Витя и Гусятников останавливаются у его лица, смотрят.

СОЛДАТИК (улыбаясь). А, маленькие звери на большой войне. Что вы здесь делаете?

Это не ваша война. Я же говорил. Раз и всё.

Солдатик закрывает глаза.

ГУСЯТНИКОВ. И всё?

Катя и Гусятников уходят. Витя задерживается, продолжает смотреть на солдата.

ВИТЯ. Умри.

Витя ставит свой чемоданчик, ложится возле солдата. Пытается принять ту же позу, что и солдатик. Витя лежит как убитый.

ВИТЯ. Отомри (встает, смотрит на солдата, тот не отмирает, Витя опять ложится). Отомри! (Витя опять встает, а солдатик нет, Витя ложится).

Витя встает, а солдатик нет, Витя трогает солдата носом, пытается его поднять, поднимает ему руки – руки падают на землю, солдатик не встает. Витя забирает

чемоданчик, бежит дальше, пытается догнать Катю и Гусятникова. Оборачивается, чтобы посмотреть на солдатика – вдруг встал. Не встал. Витя бежит. Грохот, дым, дыхание вокруг. Витя оглядывается по сторонам, рядом уже никого, ноги не бегут рядом. Как-то даже тихо рядом. Витя поднимает голову вверх и видит, как что-то темное его накрывает.

13

Три мешка падают на пол. Из одного мешка аккуратно выползает Витя с чемоданчиком в зубах. Витя оказываются в просторном, светлом помещении. Слышен чей-то смех. Три пары ботинок, ботинки топчутся на месте. Голоса переговариваются на непонятном языке. Появляется рука, указательный палец руки показывает на мешок, из которого вылезает Катя. У Кати на боку красное. Она делает несколько шагов и падает. Смех. Другой мешок начинает активно шевелиться, из него выпадает Гусятников. Гусятников мечется по комнате. Руки показывают на Гусятникова, смех.

ГОЛОС. Ганс! Ганс! Ганс! Ком цу мир.

Руки подхватывают Гусятникова, забирают его куда-то наверх. Катя поднимает голову.

КАТЯ. Гусятников.

ГОЛОС (передразнивает Катю). Беее. Эс вэрэ зупер дизэс цигляйн цу мелькен.

Хохот. Руки с кружкой приближается к Кате, доят ее. Молока нет. Пинок. Хохот.

ГУСЯТНИКОВ (сверху). Ка-ка-катюша.

ГОЛОСА. Млеко, млеко. Ко-ро-шо.

Пара ботинок двигается к Вите. Витя рычит. Пятится назад. Руки хватают его за холку, сажаят обратно в мешок. Витя наблюдает из мешка. Мешок поднимается вверх, вешается на крючок. Теперь Вите видны не ноги, а лица. Стол. На столе разделочная доска, нож. На доске лежит Гусятников. Он прижат к доске руками. Гусятников дергается, видит над собой огромный нож, а чуть повыше толстое, обтянутое красной бугристой кожей лицо. Лицо оскаливается. Глаза блестят. Руки отпускают Гусятникова. Он приподнимается, встает на лапки, развязывает клювом шарфик, кладёт шарфик рядом, опускается, вытягивает свою длинную шею вдоль доски.

ГУСЯТНИКОВ. Раз и всё.

Нож приближается. Гусятников зажмуривается. Гусятников уже почувствовал что-то холодное на своей шее.

ГОЛОС. Млеко, млеко. Корошо. *(Звук удара, смех)*

Пауза. Гусятников вскакивает, гогочет, спрыгивает со стола, три пары ног гонятся за ним. Они бегают вокруг стола, подбегают к ногам сзади и кусают их. Крик.

ГУСЯТНИКОВ. Это моя война.

ЧЕЛОВЕК С ЛИЦОМ. Ганс, Ганс!

ГУСЯТНИКОВ. Я вам не Ганс, Гусятников я.

Гусятников оборачивается на бегу, плюётся.

ГУСЯТНИКОВ. Бах-бах-бах. Спасайтесь, я их отвлеку.

Гусятников выбегает из комнаты. Ноги выбегают за ним.

Витя ворочается в мешке, пытается выбраться. У него не получается. Катя встает, ей тяжело. Она подходит к мешку, поднимается на задние лапки, упирается передними в стену. Раскачивает мешок. Слышны шаги за дверью. Катя раскачивает мешок, старается изо всех сил. Шаги слышны совсем близко. Раскачивает ещё. Мешок падает на пол. Витя и Катя бегут к окну. Витя пытается открыть окно, не получается. Ещё и ещё пытается. В комнату врывается Гусятников. Гусятников бежит тоже к окну. Врезается в оконное стекло, оно разбивается. Гусятников вылетает на улицу. В комнате появляются ноги, бегут к окну.

Витя и Катя выпрыгивают. Витя, Катя и Гусятников бегут по дороге. Слышен звук приближающейся машины, выстрелы.

ГОЛОСА *(кричат).* Хенд э хох *(хохот).*

Витя, Катя и Гусятников останавливаются. Оборачиваются. Видят яркий свет и три винтовки, направленные на них. Слышат смех.

КАТЯ. И того из трубочки.

ГУСЯТНИКОВ. Раз и всё.

ВИТЯ. Умри без отомри? Зачем я вам? Мне надо идти, мне надо выяснить одну важную вещь.

Одна из винтовок стреляет вверх. Очень громко.

ВИТЯ. Из меня не сварить суп, и молока у меня нет.

ГОЛОС *(хохочет, передразнивает Витю).* Гав-гав-гав-гав.

ГУСЯТНИКОВ *(Вите).* Ты, правда, должен идти. И ты, Катюша, иди с ним. Я сделаю шаг вперед, распушусь, замашу крыльями. Там сзади вон, куст, спрячьтесь за него, а дальше туда утекайте, в лес бегите.

ВИТЯ. Отличный план.

КАТЯ (*Гусятникову*). Да-да-да! Пстой ка, а ты?

ГУСЯТНИКОВ. Я же сказал. Я сделаю шаг вперед, рас-пу-шусь, замашу. Шаг-пух-взмах. Шаг...

Катя смотрит на Гусятникова. Винтовки смотрят на них. Хохот. Из света появляется фотоаппарат, фотографирует сцену на дороге. Смех.

ВИТЯ. Ну, всё. (*Кате*) Идешь?

Катя смотрит на Витю, на Гусятникова, на Витю, на Гусятникова. Катя не идет за Витей. Стоит рядом с Гусятниковым.

ГУСЯТНИКОВ. Какая глупость! А как же большая любовь для маленькой козочки, помнишь? Ты должна ее найти. А за меня, пожалуйста, не беспокойся. Мне не страшно. Гусятников больше не больной, старый, бесполезный гусь, не нытика кусок и не хрипун недобитый. Пора-пора. Эти черные трубочки сейчас опять будут греметь.

ВИТЯ (*Кате*). Идём скорее.

КАТЯ. Иди один. Мы тебя прикроем. Иди и найди плохого человека.

Гусятников раскрывает крылья, делает шаг вперед. Катя тоже делает шаг вперед. Из света слышен хохот. Витя стоит на месте.

ГУСЯТНИКОВ. Давай же, давай... мотай отсюда! Вон куст. Раз и всё.

Витя стоит на месте, смотрит на Катю и Гусятникова. Долго смотрит. Потом смотрит на свой нос и замечает мокрое. Слизывает мокрое языком. Морщится. Трогает мокрое лапой. Смотрит на Катю и Гусятникова. Мокрого становится больше. Капли падают на землю.

ГУСЯТНИКОВ. Что ты, в землю что ли врос, болван? Беги.

ВИТЯ. Без вас не побегу. Вместе бежим.

ГОЛОС (*выстрел*). Айн.

ГОЛОС (*выстрел*). Цвай.

Раздаются два выстрела. Катя и Гусятников оказываются в милом дворике, залитом солнцем. Во дворике дом с соломенной шляпкой. Посреди дворика стоит пальма. Вокруг пальмы бегают толстые смеющиеся чернокожие дети. Они напевают песенку Петра Лещенко «Моя Марусечка». По дорожке идут Катя и Гусятников.

ГУСЯТНИКОВ. Смотри, береза с лопухами.

КАТЯ. Какая красивая!

Катя и Гусятников смотрят вверх и видят, как с неба медленно падают жирные дождевые червяки и свежайшие дубовые листики.

ГОЛОС (выстрел). Драй. *(Выстрел еще) драй!*

Витя прыгает в кусты, убегает в лес.

14

Витя тихо бредет по дороге. Волочит за собой свой дорожный чемоданчик. Хромает. Лапа опять болит. Витя садится на краешек дороги. Трет больную лапу. Раскрывает чемоданчик. Смотрит. Достает оттуда лопух, смотрит на него долго. Слезы его падают на лопух. Витя прикладывает его к ране. Опять смотрит в чемоданчик. Закрывает. Открывает опять. Достает стопку фотографий. Рассматривает. Вот они с Аркашей в парке, едят мороженое, а вот – после первого совместного выступления (Витя ещё маленький). А это они в Японии, на гастролях. Стоят на фоне цветущей сакуры. Аркаша держит статуэтку. Металлический клоун с металлической собакой. Они тогда завоевали первый приз на международном конкурсе. На фотографии тоже падают слезы. Витя аккуратно кладет фотографии обратно в чемоданчик. Закрывает чемоданчик и убегает.

15

Весна. Город. Витя грязный, обросший и худой. Он бежит по пустым улицам. Иногда встречаются черные сапоги. Немного. Айн-цвай. Айн-цвай. Вот мотоцикл проехал. Витя бежит по следу. Бумажка падает сверху и летит по ветру. Витя гонится за бумажкой, ловит. На бумажке нарисован красный квадрат. В квадрате – белый круг, в круге – черный крест. Витя обнюхивает бумажку и бежит дальше.

Поле. Снег уже почти сошел. Витя бежит по полю. Видит столбы, обтянутые колючей проволокой. Витя бежит к столбам. Выстрел. Витя останавливается, ложится. Ползет по следу. Доползает до проволоки, смотрит. За проволокой бараки. Витя замирает-ждет. Проходит время. Шум. Появляется много ног (пыльные сапоги, обмотки, ботинки), идут. Раз-два, раз-два. Витя всматривается очень внимательно. Ноги проходят. Идет время. Витя ждет. Опять много ног. Прошли. Витя ждет. Опять и опять появляются ноги. Проходит несколько часов, а, может, и несколько дней. Раз-два. Раз-два.

ГОЛОС. Эй, приятель?

Витя встает, прислушивается.

ГОЛОС. Приятель!

Витя идет вдоль проволоки, идет за ногами. Выстрел. Витя бежит вдоль проволоки.

ГОЛОС. Умри.

Витя продолжает бежать.

ГОЛОС. Умри.

Выстрел, Витя бежит.

ГОЛОС. Умри.

Витя падает.

КОНЕЦ

(плохой)

Витя слышит дыхание. Хххх-ххх-ххх. Витя открывает глаза. Видит мохнатую морду, внимательно всматривающуюся в него.

ВИТЯ (улыбается). Ке-ша.

Витя поднимается. Отряхивается. Перед ним стоит Кеша.

КЕША. Жив?

ВИТЯ. Кажется.

КЕША. Дрых, значит. Пока ты тут храпака давал, мы и забор снесли, и фрицев победили.

Витя видит, как из барачков выходят ноги, много ног, ноги переступают через поваленный забор, уходят. Видит ноги, ступающие по-чарличаплински. Ноги приближаются. Лицо Аркаши.

АРКАША. Ну что, приятель?

Аркашины ноги, Витя, Кеша идут по дороге.

КЕША. Так что там с попугаями-то?

КОНЕЦ

(хороший)

Весна, 2015

